
К 100-ЛЕТИЮ Ю.А. ЖДАНОВА

УДК 141.1

DOI 10.23683/2227-8656.2019.5.1

**АНТАГОНИЗМ
И ПРОТИВОРЕЧИЕ:
К ВОПРОСУ
ОБ АНАЛИЗЕ
ОБЩЕСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

*(Лекция Ю.А. Жданова,
прочитанная 5.11.1981 г.
в ИППК при РГУ)*

**ANTAGONISM
AND CONTRADICTION:
ON THE ISSUE
OF ANALYSIS
OF PUBLIC
RELATIONS**

*(Yu.A. Zhdanov's Lecture,
read on 5.11.1981 at the Institute
of Professional Development at RSU)*

Жданов Юрий Андреевич
Член-корреспондент АН СССР

Yuriy A. Zhdanov
Corresponding Member of AS USSR

Вместо предисловия

Оригинальный вариант публичной лекции, прочитанной Ю.А. Ждановым в Институте переподготовки и повышения квалификации Ростовского государственного университета, хранится в личном фонде выдающегося ученого и общественного деятеля, находящемся в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 182). Исходное название, зафиксированное в архивном деле, – «Острые вопросы современности: сохранение мира и дальнейшие судьбы общества» – вероятно, определялось существовавшей политической и идеологической практикой, так как масштабное ректорское

выступление состоялось 5 ноября 1981 г. и было приурочено к очередной годовщине Октябрьской революции, наиболее значимого праздника советской эпохи, имевшего почти сакральное значение. Реальной темой яркой лекции Ю.А. Жданова стал масштабный вопрос о социальных противоречиях и антагонизмах, являвшийся одним из принципиальных оснований марксистско-ленинской социальной философии и традиционным объектом исследовательской практики отечественных ученых.

Представленный текст прекрасно иллюстрирует характерные черты научного почерка талантливого мыслителя и полемиста, стремящегося всесторонне изучить избранную проблему. Выделив главный тезис о принципиальном неприятии поверхностного представления о системном тождестве базовых понятий «противоречие» и «антагонизм», Ю.А. Жданов последовательно аргументирует собственную позицию, опираясь на широкие представления о предшествующем развитии научного знания. Увлеченный лектор не только блестяще ориентируется в профильных трудах Маркса, Энгельса и Ленина, но и демонстрирует прекрасное знакомство с интеллектуальным наследием античных стоиков и скептиков, Гоббса и Канта, Гегеля и Фейербаха. Ю.А. Жданов не боится острых вопросов, смело признает объективные недостатки диалектического и исторического материализма как динамично развивающихся теоретических концептов, выделяет перспективные вопросы для дальнейшего исследования. Представленный текст демонстрирует прекрасную эмпирическую основу ждановских рассуждений, сформированную из исторических, этнографических, литературных и эстетических наблюдений выдающегося мыслителя и тонкого аналитика. Органичное место находится и для кавказского обычая личного и социального гостеприимства, и для тонкой оценки отдельных аспектов литературного наследия М.А. Шолохова, и для выдержанной характеристики принципиальной полемики Ленина с Н.И. Бухариным. Последний сюжет необычен для рассматриваемой эпохи, так как публичное упоминание репрессированных партийных деятелей станет обычной практикой только через несколько лет. В 1981 г. абсолютно доминирует идеологическая линия на латентную реабилитацию Сталина, главным творцом и убежденным проводником которой является всесильный секретарь ЦК КПСС, серый кардинал М.А. Суслов. Но Ю.А. Жданов не боялся высказывать собственное мнение и в сталинскую эпоху, а потому в представленной лекции он четко формулирует критические замечания к действующей исследовательской практике, не обходя заинтересованным анализом даже не-

зыблемые положения марксистско-ленинской философии. Как представляется, рассматриваемый труд является ценным историческим источником, характеризующим реальную научную атмосферу первой половины 80-х гг. XX столетия в СССР.

Предлагаемая публикация масштабной лекции Ю.А. Жданова не в полной мере соответствует жестким археографическим правилам, предполагающим абсолютную идентичность презентуемого текста сохраняемому оригиналу. Отдельные фрагменты авторских размышлений были изъяты при редакционной корректировке, что определялось двумя существенными обстоятельствами. С одной стороны, любое публичное выступление советского периода, посвященное общественно значимой и идеологически актуальной проблематике, содержало необходимый набор клишированных высказываний, посвященных партийному руководству и искусственной актуализации текущих событий. Подобная информация не дает дополнительных штрихов к интеллектуальному портрету Ю.А. Жданова, но может серьезно деконструировать реальный образ рассматриваемого ученого и общественного деятеля на основе недостаточно профессионального восприятия. С другой стороны, стенографическая запись любой лекции существенно отличается от академической публикации, целенаправленно очищенной от вербальных повторов, просторечных выражений и эмоциональных конструкций, характерных для устной речи, но недостаточно органичных применительно к письменному изложению. Вдумчивая и кропотливая текстологическая экспертиза, проведенная известным исследователем, доктором философских наук, профессором А.В. Лубским, позволила сохранить содержательную целостность и полемическую яркость ждановского текста, который представляется заинтересованному читательскому вниманию.

*Директор Государственного архива Ростовской области
кандидат исторических наук, доцент
Н.А. Трапш*

**Лекция Ю.А. Жданова,
прочитанная 5 ноября 1981 г. в ИПШК при РГУ**

<...> что такое антагонизм? Почитайте научные труды на эту тему, и вы найдете разные определения: антагонизм – это борьба, это вражда, это непримиримая вражда, это форма противоречия, это один из видов противоречия.

Всегда категорию антагонизма связывают с категорией противоречия. И, очевидно, какая-то связь здесь есть. Но я хотел бы, во-первых, привести следующую известную вам мысль Ленина о том, что антагонизм и противоречие совсем не одно и то же. Он писал об этом в замечаниях на книгу Бухарина «Экономика переходного периода». Бухарин писал в этой книге: «Капитализм есть антагонистическая, противоречивая система».

И вот здесь-то Ленин и приписал: «Архинеточно. Антагонизм и противоречие совсем не одно и то же». Это нам сейчас важно. Вторая известная вам мысль: «Первое исчезнет, второе останется при социализме».

Итак, антагонизм и противоречие не совсем одно и то же. Что же такое антагонизм?

У нас, в нашей литературе, истматовской в особенности, принято считать, что антагонизм есть такая социальная категория, форма, которая накладывает на противоречие свой отпечаток, свой след. Поэтому все противоречия делятся на антагонистические и неантагонистические. Это азбука. Это вы прочитаете во всех учебниках истмата.

Мои <...> исследования <...> показали, что ни у Маркса, ни у Энгельса, ни у Ленина таких определений нет.

Кроме того, вот вам фактическая справка. В предметном указателе ко 2-му изданию сочинений Маркса и Энгельса (ч. II, с. 197) имеется следующий абзац, по поводу которого даются ссылки: «Уничтожение антагонистических и социальных противоречий в результате коммунистического преобразования общества...». Ссылок этих 24. Во всех 24 ссылках нет слов «антагонистические» и «антагонизм», кроме одной. Что это за мистика? Ни в одной ссылке нет в предметном указателе того, на что ссылается автор предметного указателя. Это что, творческое преобразование марксизма? Что же есть? Есть единственная ссылка (26-й том, ч. III, с. 533) на Маркса: «Вульгарный экономист не может себе представить развившуюся в недрах капитала общественную производительную силу труда и его общественный характер отделенными от этой капиталистической формы, от формы отчуждения, антагонизма и противоречия, их моментов...». Вот что пишет Маркс – не антагонистическое противоречие, а антагонизм и противоречие. И если вы дальше пойдете по сочинениям Маркса и Энгельса, вы всегда увидите то же: антагонизм и противоречие. И нигде не встретите формулировку: антагонистическое противоречие. <...> Думаю, что здесь вкралась теоретическая путаница в нашу марксистско-ленинскую литературу <...>, которая не имеет ничего общего с тем,

что писали Маркс, Энгельс и Ленин. Имеет ли это теоретический и практический смысл? Да, имеет. Что такое антагонизм и что такое противоречие? Нам нужно разобраться в этих категориях. <...> о противоречии у нас написано безумно много. И вряд ли я в состоянии перечислить все точки зрения на этот счет, но есть, мне кажется, общее, что объединяет все точки зрения. Противоречие имеет определение сущности предмета. Противоречие есть условие его движения, его развития. Противоречие есть единство сторон, их взаимное проникновение. Противоречие – это действительно основа внутреннего самодвижения, саморазвития. Я подчеркиваю это обстоятельство. Противоречие – это сущностное определение предмета, явление его сущности, источник самодвижения, саморазвития, становления, единство и взаимопроникновение противоположных определений <...> Что же такое антагонизм? Антагонизм не совпадает с противоречием по следующим моментам. Вот смотрите, как Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке» пишет: «Противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением выступает наружу, как антагонизм между пролетариатом и буржуазией». Выступает, т.е. их антагонизм не сводится к противоречию, а является его внешней, выступающей наружу формой. Одна из исторических миссий буржуазии, отмечает Энгельс, – свести все общество к простому антагонизму. Свести к антагонизму между классом капиталистов и классом неимущих рабочих. Поскольку это выводная, сводная категория, которая не совпадает с противоречием, а выступает как одна из его внешних возможностей, мне представляется полезным и теоретически плодотворным выводить антагонизм не из противоречия, а из категории противоположности.

Антагонизм – это одна из форм противоположностей <...> включающих друг друга, полярных противоположностей.

Антагонизм в этом отношении не совпадает с противоречием, поскольку противоположности в противоречии – это разные категории <...> Противоречие – антагонизм, который уже распался <...> на внешние полярные противоположности, и которые поэтому уже не являются противоречием в том смысле, как это признает диалектика <...> Вот этот распад противоречия на его внешние моменты, которые удерживали бы его в единстве, если бы противоречие было бы живым целым, и отражает специфическую природу антагонизма. Я бы сформулировал так: антагонизм – это непримиримая враждебность сторон, направленная на их взаимное уничтожение, вытеснение борющихся сторон и завершающаяся в тенденции гибелью одной из них или обе-

их. Это одна из форм противоположности, форма социальной закономерности взаимного исключения сторон. Тем самым фиксируется отличие антагонизма, теоретическое отличие, от противоречия. Иногда вы можете встретить, в частности, у Генриха Батищева, такое определение: «Антагонизм является превращенной формой противоречия», т.е. все-таки он связывает очень тесно противоречие и антагонизм. Превращенная форма. Антагонизм может и должен вырасти из противоречия, но это не единственная исходная база. Антагонизм может развиваться, эта мысль покажется вам, наверное, странной, и там, где противоречия нет. Существует ли противоречие между китайским и советским народом? Можно ли раздуть антагонизм между китайским и советским народом? Экономического, исторического и какого хотите реального противоречия между китайским и советским народом нет. Нет этого противоречия как формы движения этих двух народов в рамках какого-либо единства исторического. Нет сущностного определения, которое сводило наши отношения с китайцами к этому противоречию. Тем не менее может, как показал опыт исторический, начать развиваться антагонизм и воспитать довольно агрессивные настроения против нас людей. <...> В политическом плане может существовать антагонизм, который не связан с противоречием как с сущностным определением предметов, явлений, процессов <...> Все предшествующее социализму развитие общества было основано на антагонизмах. Об этом писал Маркс, об этом писали и до Маркса <...> В не очень, может быть, еще строго научных рассуждениях вы это найдете и у древних философов, и у циников, и у скептиков, и у стоиков. Вы это найдете у Гоббса, вы это найдете у Канта. Кант в своей работе «Идея всеобщей истории» во всемирно гражданском плане специально целый раздел посвящает антагонизмам. И пишет так: «Антагонизм – средство, которым пользуется природа, чтобы осуществить развитие всех задатков людей в обществе. Антагонизм – причина законосообразного порядка». Он ставит антагонизм как основу в развитии общества. Дальше я не буду детализировать, что он понимает под антагонизмом. Под антагонизмом я разумею здесь недоброжелательную общительность людей, их склонность вступать в общение, связанную, однако, с всеобщим сопротивлением, которое постоянно угрожает обществу разъединением. Это заложено в человеческой природе. То есть Кант связывает этот всеобщий закон развития истории с природой человека. Гегель фактически стоит примерно на той же или близкой позиции. В этом отношении позиция Канта достаточно пессимистическая. Он рассуждает ведь об обществе и приходит к выводу, что это

патологически вынужденное согласие жить вместе? Будучи выразителем раннего буржуазного индивидуализма, он это общение рассматривает как патологически вынужденное согласие жить вместе. Правда, он считает, что именно на этой основе вырастает моральное целое, т. е. в основе моральных норм, в основе морали лежит эта патологически вынужденная неизбежность жить вместе. Мы, конечно <...> понимаем, Кант зря сваливает все на природу. Здесь дело не в природе, а в том, что те реальные буржуазные отношения, которые во времена Канта уже формировались, толкали его к этим общим выводам, т. е. здесь его поток природы социально детерминирован, детерминирован теми реальными отношениями, которые общество тогда переживало. Поэтому он так и обращается к природе: да будет благословенна природа за неуживчивость, за завистливость, соперничающее тщеславие, ненасытную жадность обладать и господствовать. Кант! Кант считает, что не только гражданское общество и отношения людей в нем, но и межгосударственные отношения <...> основаны на принципе антагонизма так же, как и отношения людей. Поэтому войны, бедствия, чрезвычайное напряжение – все эти вещи, естественно, возникают от природы, которая заложила в человеке вот эти стремления к антагонизму. Маркс, в известной мере следуя по совершенно другим мотивам этой философской линии, писал о том, что до сего времени все общественное развитие подчинялось антагонизму. В работе «Нищета философии», говоря о <...> начале цивилизации, Маркс писал: «Производство начинает базироваться на антагонизме рангов, сословий, классов, наконец, на антагонизме труда накопленного и труда непосредственного». Без антагонизмов нет прогресса. Таков закон, которому цивилизация подчинялась до наших дней. До настоящего времени производительные силы развивались благодаря этому антагонизму классов. Важнейший теоретический повод <...> И тем не менее я думаю, что <...> Марксов вывод, абсолютно верный для своего времени и для целого столетия после этого, в настоящее время свою силу исчерпал. В чем тут дело? Дело в том, что если во времена Маркса и сто лет спустя без антагонизмов не было прогресса, если производительные силы развивались благодаря этому режиму антагонизмов, как писал Маркс, то в настоящее время сложилась новая историческая обстановка. Антагонизмы из условий прогресса превратились в условие гибели человечества, из условия развития производительных сил превратились в средства разрушения, крушения, всеобщего уничтожения производительных сил и главной производительной силы – человека. То есть мы должны в силу исторических, конкретно-исторических причин, об-

стоятельств сказать о том, что в настоящее время верный в течение долгих лет, десятилетий, столетий тезис должен быть заменен другим. Тезис «без антагонизма нет прогресса», без антагонизма классов производительные силы не могут развиваться, теоретически показал свою применимость только к определенному периоду развития человека. Маркс это отлично понимал, поэтому в перспективе он говорил о том, что буржуазные производительные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов <...> Если посмотреть на историю человечества, то, к сожалению, мы увидим здесь действительно систему непрерывных, взаимно перемежающихся антагонистических отношений. Маркс говорил о тех формах антагонизмов, которые существуют, но они не единственные. Маркс и Энгельс вскрывали антагонизмы национального порядка. Возьмите ссылки Маркса на то, что персы и афганцы находятся в антагонистических отношениях в связи с различием их религиозных верований (это сунниты и шииты). Он говорил относительно того, что французская буржуазия сумела поставить французское крестьянство в отношения антагонизма к рабочему классу Франции, создав мелкие наделы и привязав к земле. Маркс и Энгельс писали об антагонизмах, которые существуют внутри рабочего класса между отдельными его группами и даже между мужем и женой, т. е. о семейных антагонизмах. Таким образом, если посмотреть внимательно труды Маркса и Энгельса, то они последовательно проводят мысль о том, что антагонизмы пронизывают все стороны, все определения общественной, социальной жизни в условиях эксплуататорского общества. Они же, Маркс и Энгельс, вскрыли источник этих антагонизмов. Но Маркс и Энгельс не могли предвидеть того конкретно-исторического развития, которое прошло и которое привело к победе нового общественного строя, новых общественных отношений, но не во всех решающих странах сразу, а только в части стран с сохранением очень еще сильной, очень мощной капиталистической общественной системы. И вот здесь переплелись остатки старых закономерностей с нарождающимися новыми закономерностями. Наступает эпоха, когда антагонизмы исчезают (об этом Ленин пишет в замечаниях на книгу Бухарина), а то, если одно нарождается, а другое еще сохранено? <...> Сохраняются ли антагонизмы между рабочим классом и буржуазией, между всеми этими сторонами буржуазного общества и быта, о которых писали Маркс и Энгельс? Безусловно, сохраняются. Существует ли антагонизм двух

социально различных систем? Существует. А внутри мира социализма существуют ли антагонизмы? Исчезают ли они в один день после социального переворота? Нет, не исчезают <...> Я хотел бы сначала коснуться тех идей, которые связаны собственно с развитием социализма. Социализм принимает от прошлого общества очень многое из того, что чуждо его социалистической природе. И в этих отношениях он находится в противоречии с элементами буржуазными и добуржуазными, которые несло и несет старое общество в условиях социализма. И здесь интереснейший теоретический вопрос. Вопрос о навязанных формах. Это термин, который имеет свои корни в ленинских работах. А Ленин говорил о том, что некоторые формы, которые мы используем, навязаны нам условием того, что мы существуем вместе с чуждым нам классово-социальным миром. Возьмите даже такую вещь, как Ленин относился к армии вообще и строительству нашей армии. Это самое насильственное и самое гнусное оружие прошлого мы должны превратить в новую силу, которая работает на нас. О навязанных формах он говорил неоднократно, и здесь нужно теоретически различать формы, присущие социализму и отвечающие его социальной природе, и такие формы, которые навязаны нам условиями классовой борьбы и классовых антагонизмов. Вот есть такой важный вопрос о замечаниях на письмо Чичерина, который с отчаянием писал В.И. Ленину о сложностях переходного периода от капитализма к социализму и о том, что у нас существует еще много пережитков капитализма, неравенства, госкапитализма, сдельщины, принуждения и проч. В.И. Ленин пишет: «Это от формы борьбы противника и от уровня культуры. От форм борьбы противника, т. е. противник навязывает новому обществу свои формы, и нужно уметь им противостоять, и вот в этих условиях для борьбы с противником используются средства, которые порождены миром антагонистических отношений. В тенденции же это должно быть преодолено <...> Вот как ставил вопрос В.И. Ленин. Отсюда его идеи использования интеллигенции военной, культурной, научной... идеи использования тех форм капитализма в рамках диктатуры пролетариата советской власти, которые нужны были для развития хозяйства и культуры. А были люди, которые говорили, что нет необходимости использовать буржуазных инженеров, военных специалистов и др., что революционность требует от нас беспощадности. И вот об этой беспощадности. Революционеры вырастают из той среды, которая порождает условия для революции, т.е. вырастают из сферы тех же самых антагонистических еще в своей природе отношений. И надо быть настоящим марксистом-ленинцем, чтобы уметь порвать с этой почвой,

а не остаться в ее рамках. История революции говорит о том, что многие революционеры оказались не в состоянии при всей своей крайней революционности подняться над условиями старого мира. Возьмите анархистов, с которыми боролся Маркс. И он тогда же говорил, что существуют люди, которые всеми конечностями сидят в старом обществе, в его интересах, – это люди, не поднявшиеся еще до буржуазного миропонимания буржуазной собственности, буржуазных отношений. Не поднялись еще, но сидят все в мире антагонизмов, в мире насилия, в мире принуждения и используют, и знают только эти методы <...> Возьмите весь троцкизм. Весь троцкизм по существу есть попытка перенести антагонистические отношения прежних уходящих формаций в условия развития нового общества. Теория перманентной революции и теория непрерывной враждебности столкновения пролетариата с крестьянством как неизбежный, непрерывный процесс антагонистических взаимодействий, антагонистической борьбы. Возьмите тот же маоизм, который особенно в этом отношении показателен, поскольку ему удалось свою политику реализовать на практике. Начиная с основного тезиса Мао относительно того, что в общем-то существует не единство, а лишь борьба противоположностей, что нужно нам в обществе все время заострять эти противоположности до столкновения, что культурная революция с уничтожением десятков миллионов людей должна непрерывно повторяться, что нужно планировать войну между социалистическими странами, что нужно идти на риск мировой, всеобщей ядерной войны. Это и есть все прошлое общества, весь его дух антагонизмов, перенесенных на новую социальную почву. Поэтому ленинское указание, идущее от Маркса, имеет исключительное значение для теории и практики самого революционного движения – отряхнуть, отрешиться от тенденций, форм, методов мира антагонизма – это задача непростая. И многим людям, которые становились на путь революционной борьбы, решить эту задачу не удалось. Это довольно сложная вещь. Поэтому для внутреннего развития социалистического общества ленинская идея ликвидации антагонизмов при сохранении реальных действительных противоречий как условия саморазвития, самодвижения имеет колоссальное, всемирное историческое значение.

К сожалению, очень многие не понимают этого. А это требует постоянного и политического, психологического самоконтроля. Соответствует ли твоя роль на любом участке этому ленинскому требованию? Мы знаем, что социальные закономерности не изменяются за один день, что они трансформируются медленно, поэтому этот процесс захватывает определенную историческую полосу, определенные

исторические рамки. Тем не менее этот процесс должен развиваться в определенном направлении. Здесь я хочу немножко от теории отвлечься и сказать о том, что, конечно, в развитии человечества всегда наблюдалось две тенденции: тенденция разжигания, раздувания антагонизмов и противоположная тенденция. На Северном Кавказе бытуют различные традиции и нравы: традиционно сотни лет, если не тысячи, существуют там два обычая: кровная месть, когда на любой почве род или племя вступают друг против друга в абсолютно взаимоисключающие, взаимоубийственные отношения. Впрочем, причины могут быть разными, в том числе даже такая, как петух соседа перекричал соседского петуха. Двести лет длится вражда, до последней крови уничтожают друг друга, до последнего человека. Что это такое? Откуда это? Какая тут польза обществу: опустошение страны, гибель маленького племени, семьи. Что это? Вот такая тенденция была, да и сейчас кое-где осталась.

А есть вторая тенденция. Совершенно потрясающее гостеприимство. Причем гостеприимство не в формальном смысле, а гостеприимство как культ отношений к любому человеку: гость – каждый, кто к тебе зашел. Ты имени его не знаешь, он может быть твоим кровником, но по закону гостеприимства ты должен принять его как родного. Вот такие два полярных обычая рядом, у нас под боком, они выражают не только антагонизмы, антагонизмы господствуют, антагонизмы определяют, особенно на буржуазной стадии развития, основные характеристики взаимоотношений. Но есть и другие тенденции в рамках человечества. Для обществоведов важно и исторически, и территориально всегда обращать внимание на наличие этих тенденций, анализировать их и собирать все доброе, что есть и что было.

Но я хотел бы отвлечься и сказать, что наш великий писатель Шолохов, если посмотреть на его творчество с этой точки зрения, дал блестящий анализ общественных, социальных, сословных, национальных, классовых, семейных антагонизмов. Он в этом отношении раскрыл механизм антагонистических отношений в художественной форме как никто. Наиболее полно это выражено, я считаю, в образе Мелихова, который испил всю чашу антагонизма до дна. Он дошел, дожил до черного солнца, т.е. действительно за антагонизмами ничего, кроме могилы Аксиньи и черного солнца над ней, нет. И, испив до дна чашу антагонизма, он в своем сыне находит какой-то свет, просвет будущего. В творчестве Шолохова заложена эта мысль. Мир отношений антагонизмов раскрыт с драматической силой во всем шолоховском творчестве, начиная с «Донских рассказов», где сын на отца, отец на сына,

где брат на брата, где кровь за кровь, где уничтожение взаимное. Вот этот мир исчерпал себя полностью и показал свою полную несостоятельность в художественно-эстетической форме творчества М.А. Шолохова. Этот аспект в его творчестве тоже мне представляется весьма и весьма интересным.

Как же идет историческая эволюция, связанная с судьбой антагонизмов, – вот вопрос, который я считаю необходимым тоже поставить.

Исторические судьбы антагонизмов. Я хотел бы вернуться к Гегелю. Гегель был решительным философом. Он объявил весь мир миром антагонизмов, против Канта. Причем он, конечно, возвел это в самые высокие категории. В эстетике Гегеля говорится о том, что в обществе господствует антагонизм между внутренней свободой и внешней естественной необходимостью, понятием и жизнью, теорией мысли и бытием опыта, и дальше он развивает: это расколотость жизни сознанием и современной культурой, и рассудочностью мышления господство в обществе, т.е. он фиксирует систему мира антагонизмов, но переводя их в категориальную форму, но, конечно, их увековечивает. У него есть концепция, идея об антагонизме между человеком и природой, а так как человек существует в лоне природы, значит, это вещь неизбежная, вечная.

Вот здесь-то я бы и назвал взгляды Гегеля превращенной формой господствующих в социальной сфере антагонистических отношений, вот здесь он действительно превращает форму и переносит на другие сферы, в частности антагонизм человека и природы, хотя у Гегеля мы можем найти мысль, направленную на понимание ограниченности такого антагонизма, но он имеет решение вопроса не в социальной сфере, а чисто культурной. Вот что он пишет: «Уничтожить дикость вожделев, смирить их и придавать культурный характер природной сущности человека». Это о внутренней природе человека. А касаясь внешней стороны, он говорит о возможности гармонии внешней природы и человека, но реальных путей к этому он, конечно, не знает. Фейербах уделил этому тоже существенное значение и хорошо где-то написал, что, в общем-то, природа сопротивляется только фактической свободе, а с разумной свободой она находится не в противоречии, т.е. на основе разума, на основе понимания можно добиться отношений с природой вполне гармоничных. Эта точка зрения Фейербаха достаточно хорошо известна. У Гегеля есть концепция, что свобода всегда антагонистична, поэтому, в общем-то, здесь добиться гармонии очень трудно и только в рамках гегелевского идеализма. Правда, он предлагал концепцию уничтожения антагонизма с помощью разума. Это известная

гегелевская штука: разумную чувственность воспитать, разумный интерес, разумные потребности, разумную страсть, мыслящее сердце, как писал Гегель, но Фейербах справедливо говорил, что ум-то пишет, но делают историю страсти. Поэтому на путях, которые Гегель понимал как всю систему антагонизмов, стремился уничтожить антагонистические отношения, конечно, далеко не продвинешься, и тем не менее рациональное зерно отсюда можно извлечь.

Ликвидация антагонизмов проходит, конечно, разные стадии, разные этапы. Первый этап – ликвидация социальных истоков антагонизма. Это мы отлично знаем – решающая, ключевая вещь для ликвидации иных антагонизмов. На этой основе, на основе социалистической, плановой, разумной организации общества можно ликвидировать и иные антагонизмы, уже их превращенные формы, в частности антагонизмы между человеком и природой, антагонизм между свободой и необходимостью и др. антагонизмы.

Значит ли это, что ликвидируются вообще все и всякие возможные антагонистические взаимоотношения. Да нет, товарищи. Маркс поэтому писал, что уничтожаются общественные источники антагонизмов. И вот я, когда рассказывал свою концепцию одному философу, сказал, закончив блоком: «В белом венчике из роз впереди Иисус Христос».

Ничего подобного, совершенно очевидно, что поскольку индивид каждый входит в свои общественные отношения, входит бесконечным множеством своих сторон и определений в эти отношения где-то, на каком-то этапе его индивидуального развития, его становления или каких-то конкретных отношений могут возникать и антагонистические и индивидуальные отношения, а иногда и неиндивидуальные, с частью общества или с обществом в целом. Но это отношения, которые не являются антагонистическими классовыми отношениями, не являются отношениями классов, индивид не приходит в мир, как Афина приходит из головы Зевса. Он должен стать и в этом становлении он должен трансформировать свои природные, чувственные задатки. Это требует времени, это длительный, сложный процесс. Более того, человечество нашло применение, я бы сказал достаточно приятное, антагонизмам – игра, борьба, спорт, где встречаются взаимоисключающие, враждующие стороны, но при этом сам человек весь, всей своей сущностью природной не оказывается втянутым в эту сторону, т.е. эго-сущность не растворяется в этом определении, я бы сказал, в частичной форме эго-деятельности, а вот частично могут и здесь возникнуть и даже играть хорошую роль и карты, и шахматы, и др. игры, здесь мы видим

борьбу открытую, противостоящую в силах, бескомпромиссную, борьбу на уничтожение противника. Что эта борьба введена в рамки, т.е. уничтожение социально-классовых антагонизмов не исключает возможности проявления и управления даже отдельными антагонистическими формами взаимодействия людей, которые находятся уже в рамках разумной системы, допустимой системы, но бывает и недопустимой, выходящей за рамки общественных интересов, тогда и приходит милиция нам на помощь в решении этих вопросов. То есть антагонистические отношения как небольшой момент внешней противоположности интересов, их столкновений, они могут сохраняться, и не нужно здесь впадать в сентиментализм и мещанство, христианскую добродетельность. Они могут сохраняться, но они исчезают как основа классовых, социальных межгосударственных отношений. Это главное. И это главное для политики. Что сейчас происходит в Польше? В Польше происходит стремление разжечь огонь антагонизма на основе существующих противоречий общественного развития. Раздуть огонь антагонизма, вернуть к закономерностям прошлого и закономерностям антагонистического мира польский народ, вернуть на основе противоречий, которые существуют между мелкой земельной собственностью на селе и крупным общественным производством в промышленности, вернуть на основе противоречий, которые существуют между религией и наукой, они реальны, эти противоречия, ввиду силы католицизма в Польше, и растут несуществующие противоречия между польским народом и советским народом, раздуть формы антагонизма, создать, народить, искусственно раздуть вот здесь межгосударственный, межнациональный антагонизм, т.е. идет борьба сил прошлого, сил антагонистического мира против мира социализма и идей как раз на фронте возрождения любых антагонизмов.

<...> Буржуазия, конечно, привыкла традиционно жить в системе, в мире антагонизма, и многое ей здесь кажется теоретически неясным даже для их идеологов.

Но я позволю поставить вот такой вопрос. Если в условиях слабости социализма, недостаточной еще развитости и силы буржуазия в состоянии навязать нам свои формы развития, то не настанет ли пора, когда мы сможем навязать буржуазии свои формы. И когда мы навязем буржуазии свои формы, которые исключают ожесточенно общественные отношения в формах насильственных антагонизмов. Но следует ли нам подумать над этим? Взаимно действуют друг на друга системы. Капитализм давит на вас. Но так же как и в создании армии, если бы не было армии, то не было бы и мира капитализма, нам не

нужна армия. И не следует ли подумать о том, чтобы коммунистам всем объединить вокруг себя и трудящихся классы и думающих людей из средних слоёв определенных кругов буржуазии, не следует ли навязывать новую общественную закономерность безантагонистического развития буржуазному обществу? Без силы здесь не сделать ничего, без мощи здесь не сделать ничего, здесь нужно сочетать и то и другое и нужно отвергнуть, отринуть истериков, лицемеров, «леваков» маоистского, троцкистского и пр. духа, которые понять этого не могут. Они не поняли этой марксистско-ленинской закономерности и толкают в пропасть вооруженных конфликтов, основанных на антагонизмах. Это последний вопрос, и я завершаю лекцию. Благодарю за внимание!

Поступила в редакцию

1 августа 2019 г.